

УДК 338.2

JEL: D02, D83, D91, E71, Z10

DOI 10.24147/1812-3988.2022.20(1).5-14

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА: ОСОБЕННОСТИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЗНАЧИМОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ И МОНЕТАРНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ

В.В. Бирюков

Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

28 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать

10 января 2022 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Аннотация. Рассмотрены вопросы интерпретации роли фискальных и монетарных механизмов в проведении промышленной политики в контексте сложившихся сегодня парадигмальных расхождений, которые определяют специфику конструирования теорий в рамках ортодоксальной и неортодоксальной исследовательских программ, а также разработку принципиально различающихся практических рекомендаций. Обоснована парадигмальная ограниченность ортодоксальных подходов к анализу механизмов реализации промышленной политики, которые исходят из теорий нового кейнсианско-неоклассического синтеза, экзогенной трактовки макроэкономических показателей и феномена нейтральности денег в долгосрочном периоде, а также предполагают использование DSGE-моделей, имеющих фундаментальные изъяны. Показано, что современные вызовы, порожденные пандемией коронавируса и системными проблемами, требуют перехода к инклюзивной модели промышленной политики, связанной с радикальным разрывом с неоклассическим мышлением и отказом от упрощенной интерпретации связи механизмов экономического роста и инфляции. Формирование системного видения складывающихся при проведении промышленной политики эндогенных связей макропеременных предлагается осуществлять на основе признания intersubъективной природы экономической реальности и использования институционально-эволюционного подхода, который позволяет преодолеть парадигмальную ограниченность теорий мейнстрима. Данный подход к изучению механизмов реализации промышленной политики ориентирует на выбор ее экономической модели на основе пересмотра ортодоксальной интерпретаций взаимосвязи бюджетно-налоговых и денежно-кредитных механизмов и необходимости регулирования финансовых потоков с учетом своеобразия структурно-институциональных условий развития национальных экономик в кратко- и долгосрочном периодах. Рассмотрены пути перехода от эксклюзивной к инклюзивной модели промышленной политики, связанные с отказом от абсолютизации денежно-кредитных инструментов и учетом особой значимости проведения государством налогово-бюджетной и институциональной политики, ориентированной на создание соответствующего реалиям справедливого баланса частных и общих интересов.

Ключевые слова

Промышленная политика, нейтральность денег, фискальные механизмы, монетарные механизмы, институты

INDUSTRIAL POLICY: FEATURES OF PARADIGMATIC RETHINKING OF THE IMPORTANCE OF FISCAL AND MONETARY IMPLEMENTATION MECHANISMS

V.V. Biryukov

Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Article info

Received

December 28, 2021

Accepted

January 10, 2022

Type paper

Review

Abstract. The article examines the interpretation of the role of fiscal and monetary mechanisms in industrial policy in the context of the current paradigmatic differences that determine the specifics of the construction of theories within the framework of orthodox and unorthodox research programs, as well as the development of fundamentally different practical recommendations. The paradigm limitation of orthodox approaches to the analysis of the mechanisms for the implementation of industrial policy, which are based on the theories of the new Keynesian-neoclassical synthesis, exogenous interpretation of macroeconomic indicators and the phenomenon of neutrality of money in the long run, and also suggest the use of DSGE-models that have fundamental flaws, are substantiated. It is shown that modern challenges generated by the coronavirus pandemic and systemic problems require a transition to an inclusive model of

Keywords

Industrial policy, non-neutrality of money, fiscal mechanisms, monetary mechanisms, institutions

industrial policy associated with a radical break with neoclassical thinking and rejection of a simplified interpretation of the relationship between the mechanisms of economic growth and inflation. It is proposed to form a systemic vision of the endogenous links of macrovariables that develop during industrial policy based on the recognition of the intersubjective nature of economic reality and the use of the institutional-evolutionary approach, which allows one to overcome the paradigmatic limitations of the mainstream theories. This approach to the study of the mechanisms for the implementation of industrial policy focuses on the choice of its economic model based on the revision of the orthodox interpretations of the relationship between fiscal and monetary mechanisms and the need to regulate financial flows, taking into account the peculiarity of the structural and institutional conditions for the development of national economies in the short and long term. The ways of transition from an exclusive to an inclusive model of industrial policy, associated with the refusal to absolutize monetary instruments and taking into account the special importance of the government's fiscal and institutional policy, focused on creating a fair balance of private and general interests corresponding to the realities.

1. Введение. Возрастающая неопределенность развития экономических процессов, новые технологические тренды, вызванные радикальными переменами в традиционных производственных системах, и разнообразные риски, связанные с внедрением инноваций в условиях пандемии, ставят под сомнение сложившиеся стратегии роста национальных экономик. В связи с этим в настоящее время возникает настоятельная потребность с учетом меняющихся драйверов деловой среды пересмотра традиционных подходов, используемых государством при проведении структурной политики. Сегодня осуществление структурных изменений в национальной экономике с помощью государственных методов регулирования принято рассматривать как реализацию промышленной политики в широком смысле слова, т. е. как индустриальную политику (*industrial policy*) [1, с. 5–6].

В современных условиях решение проблем, связанных с трансформацией российской экономики, на основе проведения промышленной политики, адекватной национальным условиям, приобретает особую значимость. Сегодня российская промышленность не выступает в качестве ключевого фактора, способствующего переходу национальной экономики на траекторию успешных структурных изменений. В 2000-е гг. в условиях восстановительного роста выпуск промышленной продукции увеличивался ежегодно на 7–8 %, в текущем десятилетии еще до пандемии этот показатель снизился в 4 раза. Сегодня возможности роста добычи полезных ископаемых во многом исчерпаны, а развитие обрабатывающей промышленности не позволяет удовлетворительно осуществлять технологическую трансформацию экономики и конкурировать в производстве

продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате технологического отставания российских предприятий ухудшились их конкурентные позиции, уровень загрузки производственных мощностей промышленности снизился до 60–65 %. Следует отметить, что в текущем десятилетии консервация структурных характеристик развития национальной экономики, вызвавшая ее переход в фазу стагнации и появление угроз «ловушки» низкого уровня технико-экономического развития, сложилась несмотря на принимаемые в стране документы стратегического характера и реализуемые разнообразные программы, которые направлены на улучшение деловой среды, стимулирование инвестиционной и инновационной деятельности, а также на создание институтов развития, ориентированных на поддержку российской промышленности. Это явно свидетельствует о том, что потенциал сложившейся российской модели конструирования промышленной политики, основанной на доминирующих теориях экономического мейнстрима, оказывается исчерпанным.

Промышленная политика реализуется с помощью различных инструментов экономической политики – налоговых, таможенно-тарифных, кредитных, денежных и др. За последние два десятилетия формы и методы промышленной политики в мире существенно изменились. Вместе с тем используемые в настоящее время подходы при проведении промышленной политики, опирающиеся на утвердившиеся в рамках современного мейнстрима концептуальные представления, всё больше подвергаются острой критике в различных странах из-за их несоответствия усложняющейся экономической реальности. Поиск адекватного ответа на качественно новые вызовы сего-

дня многие авторитетные экономисты связывают с необходимостью смены самой модели развития современной экономики [2]. В последние годы в центре внимания исследований процессов формирования новой модели промышленной политики находится проблема интерпретации роли и места бюджетно-налоговых и денежно-кредитных механизмов в проведении данной политики. Складывающиеся сегодня концептуальные расхождения в видении проблемного поля порождают конструирование теорий в рамках ортодоксальной и неортодоксальной исследовательских программ, принципиально различающимися практическими рекомендациями. В связи с этим актуализируется значимость парадигмального переосмысления процессов реализации промышленной политики и разработки на данной основе адекватных реалиям концептуальных представлений, определяющих выбор приоритетов и методов ее проведения.

2. Обзор литературы. Происходящий отбор конкурентоспособных теорий проведения промышленной политики во многом определяется своеобразием формирования парадигмальных рамок, которые возникают в результате интерпретации на основе кейнсианской традиции взаимосвязи фискальных и монетарных механизмов развития экономики. При этом концептуальные расхождения в данных интерпретациях во многом обуславливаются разным пониманием феномена ненейтральности денег. Ранние кейнсианцы (Дж. Хинкс, П. Самуэльсон, Ф. Модильяни и Дж. Тобин) предложили кейнсианско-неоклассического синтез, в рамках которого положения неоклассиков относительно нейтральности денег соответствовали долгосрочному периоду, но в краткосрочном периоде возникают процессы, описанные Кейнсом. Данная трактовка кейнсианского подхода способствовала возрождению к концу 1960-х гг. неоклассического направления, в рамках которого благодаря ведущему идеологу монетаризма Фридмену понятие ожиданий в макроэкономике стало выполнять ключевую роль. Новые классики показали значимость осмысления субъектами меняющейся среды и возникающих на этой основе ожиданий; но предложенные модели игнорировали влияние монетарной политики на экономическую динамику.

Предпринятые сторонниками кейнсианского подхода усилия по углубленному анализу макропроцессов вызвали рост его влияния.

Итогом развития монетарных теорий к концу XX в. стало доминирование в мейнстриме теории кейнсианско-неоклассического синтеза, идеи которого разрабатывали Дж. Акерлоф, О. Бланшар, Г. Мэнкью, Л. Саммерс, Б. Бернанке и др. В результате, как утверждает Н.Г. Мэнкью, была достигнута контрреволюционная цель – защитить кейнсианско-неоклассический синтез от нападков неоклассиков [3, с. 92, 95]. При этом современные монетаристы также признают наличие феномена ненейтральности в краткосрочном периоде [4].

Альтернативные мейнстриму исследовательские подходы к анализу механизмов реализации промышленной политики опираются на концептуальные положения о ненейтральности денег в кратко- и долгосрочном периодах, изложенные в работах многих известных экономистов – К. Маркса, Й. Шумпетера, Дж.М. Кейнса и представителей группы посткейнсианских экономистов. При этом деньги рассматриваются как особый социальный институт, влияющий на формирование других институтов [5]. Возрастание роли глобализационных факторов существенно усложнило решение проблем обеспечения суверенитета национальных экономик и способствует распространению идей государственной теории денег, которая представлена в концепции суверенных денег Й. Хубера, фокусирующей внимание на значимости созданием государством адекватных реалиям институциональных регуляторов денежной системы [6]. Сегодня наиболее системной неортодоксальной теорией является современная денежная теория (*Modern Monetary Theory*, далее – *MMT*), возникшая в конце прошлого века и основанная на положениях марксизма, посткейнсианства и нового институционализма [7]. Данное направление сформировали известные экономисты из США – У. Мослер, Р. Рей, С. Келтон, П. Чернева, Дж. Гэлбрейт, а также из Австралии – У. Митчелл и М. Уоттс. Разрабатываемые в рамках неортодоксального направления теоретические описания исходят из несостоятельности макротеорий мейнстрима, что объясняется неадекватной интерпретацией роли государства в экономике, абсолютизацией значимости «невидимой руки» рынка и денежно-кредитных механизмов.

Складывающиеся в последние годы изменения в представлениях о роли ключевых факторов в осуществлении структурных перемен

в современной экономике связаны с признаком потребности перехода к более гибкой бюджетной и монетарной политике. Вместе с тем происходящие дискуссии об экономическом росте и причинах его торможения, основанные на использовании различных методологических установок, свидетельствуют о важности парадигмального переосмысления концептуальных основ формирования модели проведения промышленной политики в современной экономике.

3. Гипотеза и методы исследования. Сегодня ни у кого из сторонников макротеорий мейнстрима не вызывает сомнения, что денежно-кредитная политика является основным методом регулирования экономики в краткосрочном периоде и поддержания макроэкономической стабилизации. В связи с этим бюджетно-налоговые инструменты промышленной политики, ориентированные на осуществление структурных изменений в экономике, рассматриваются как выполняющие важную, но вспомогательную роль. Ключевые принципы, которыми руководствуются на практике при проведении промышленной политики, выводятся из нового кейнсианско-неоклассического синтеза, основанного на применении модели динамического стохастического общего равновесия (*Dynamic Stochastic General Equilibrium*, далее – *DSGE*).

Базовая модель нового кейнсианско-неоклассического синтеза выступает как неоклассическая модель краткосрочного реального делового цикла (*RBC*) с элементами кейнсианского подхода (монополистической конкуренцией, денег и жесткостью цен). Данная модель предполагает использование уравнения *IS* (инвестиции – сбережения) с учетом ожиданий, модифицированной кейнсианской кривой Филлипса и правила монетарной политики. Критики отмечают существование у *DSGE*-моделей теоретико-методологических проблем, связанных с возникновением формальных противоречий в модели при принятых предпосылках, политико-экономических ограничений, обусловленных применением нереалистичных предпосылок при выработке практических рекомендаций, и эмпирических трудностей, порожденных потребностью привлечения большего количества ненаблюдаемых данных, чем наблюдаемых [8].

Разрабатываемые сегодня неортодоксальные подходы к изучению механизмов реали-

зации промышленной политики исходят из несостоятельности кейнсианско-неоклассического синтеза и необходимости поворота к идеям концепции Дж. Кейнса. Сложившаяся кейнсианская версия макротеории, как утверждает ученик Кейнса П. Дэвидсон, свидетельствует о том, что «кейнсианская революция», если интерпретировать это понятие как разрыв с неоклассическим мышлением, не состоялась [9, с. 83]. Возрождение кейнсианской традиции П. Дэвидсон связывает с отказом от установок кейнсианско-неоклассического синтеза и неоклассических аксиом полного замещения, нейтральности денег и эргодичности экономики. Разработку неортодоксального подхода П. Дэвидсон предлагает фактически осуществлять исходя из соответствующим классической традиции представлениям Кейнса о важности изучения макропараметров с учетом влияния на экономику институциональных факторов, обуславливающих появление феномена ненейтральности денег в кратко- и долгосрочном периодах.

Для формирования адекватного видения механизмов реализации промышленной политики следует учитывать, что современные исследовательские подходы разрабатываются преимущественно на основе методологического индивидуализма, порождающего абсолютизацию значимости конкурентно-рыночных форм поведения акторов. При этом используемые культурные и институциональные феномены, в том числе деньги как специфический институциональный феномен, выступают как экзогенные характеристики, что приводит к появлению эклектических теоретических построений. В результате парадигмальной ограниченности в теориях мейнстрима макроэкономические показатели являются экзогенными лишены смысла агрегированными терминами, поскольку субъекты обладают несоизмеримыми предпочтениями.

Фактически ключевые макропоказатели сторонники теорий мейнстрима заимствовали из классической политэкономии, в рамках которой данные показатели выступают как эндогенные, а не экзогенные переменные. В связи с этим актуализируется значимость идей предложенного в рамках классической парадигмы монетарной теории К. Маркса, который разработал эндогенный по своей природе эволюционный подход к анализу феномена ненейтральности денег в кратко- и долгосрочном перио-

дах, а также концептуальные основы изучения монетарных механизмов формирования деловых циклов. Конструирование системного видения складывающихся при проведении промышленной политики эндогенных связей макропеременных предполагает признание интересубъективной природы экономической реальности и использование соответствующего конструктивистской логике институционально-эволюционного подхода, который позволяет преодолеть парадигмальную ограниченность теорий мейнстрима [10].

4. Результаты исследования. Сложившаяся в начале 2000-х гг. доминирующая в мейнстриме современная версия промышленной политики взаимосвязи бюджетно-налоговых и денежно-кредитных инструментов исходит из того, что благодаря произошедшей смене институциональной модели развития экономики кризисы перестали представлять прежнюю угрозу по ряду причин. Так, применение участниками рынков финансовых инноваций, новых математических моделей и ИТ-технологий позволяет им значительно снизить финансовые риски; центральные банки перешли к использованию новой стратегии взаимодействия с рынками, обеспечивающей более эффективную борьбу с инфляцией и большее доверие к монетарной политике; создаваемые в рамках возникшей институциональной модели инструменты государственного регулирования позволяют достаточно успешно решать проблему делового цикла; государственные программы ориентированы на осуществление структурных изменений в экономике за счет устранения рыночных «провалов» и способствуют восстановлению рыночного равновесия. В связи с этим ключевые постулаты, определяющие особенности формирования сложившейся в рамках мейнстрима версии промышленной политики, включают следующие положения: основой принятия решений субъектами экономики и конструирования экономических моделей на микро- и макроуровне являются их рациональные ожидания; в долгосрочном периоде в экономике складывается равновесие, но в краткосрочном периоде этому противодействует жесткость цен и заработной платы; краткосрочные отклонения от равновесия могут устраняться с помощью ставки, устанавливаемой центральными банками; деньги не являются нейтральными в краткосрочном периоде, но они нейтральны в долгосрочной перспективе [11].

Следует учитывать, что вступление в 1990-е гг. мировой экономики в новую фазу своего развития, связанную с реализацией не-олиберального проекта, сопровождалось ослаблением регулирования государством финансовых рынков, ростом в экономике квазиденег и финансовых пузырей, увеличением социального неравенства и вымыванием среднего класса в связи с созданием институциональных регуляторов в интересах крупных корпораций и ключевых финансовых групп [12]. Происходящие после глобального кризиса 2008–2009 гг. попытки реализации промышленной политики, основанной на доминировании денежно-кредитных инструментов, свидетельствуют о неудовлетворительности сложившихся макро-теорий мейнстрима, их слабой связи с реальными процессами. Так, среднегодовые темпы роста ВВП в развитых странах мира снизились с 2,5 % в 1999–2008 гг. до 1,5 % в 2009–2019 гг., или в 1,7 раза. В условиях пандемии *COVID-19* экономический процесс серьезно нарушился; инвестиции в повышение производительности значительно сократились; во многих странах наблюдается рост неравенства и снижение реальных доходов большей части населения. По оценкам Всемирного банка, при инерционном развитии событий в ближайшее десятилетие по сравнению с предыдущим темпы роста потенциального ВВП для мировой экономики снизятся в 1,4 раза [13].

Предлагаемый подход к изучению механизмов реализации промышленной политики ориентирует на выбор ее институциональной модели на основе пересмотра ортодоксальной интерпретации взаимосвязи бюджетно-налоговых и денежно-кредитных регуляторов. Признание денег как особого институционального феномена обуславливает необходимость формирования монетарных систем с учетом своеобразия структурно-институциональных условий развития национальных экономик в рамках кратко- и долгосрочного периодов. Так, в краткосрочном периоде в условиях возникновения «феномена номинальных жесткостей» важным становится конструирование институциональных правил построения системы фискальных и монетарных ориентиров (нормативов) и инструментов в целях как обеспечения эффективного задействования имеющегося потенциала производства за счет привлечения резервных мощностей и незанятой рабочей силы, так и создания предпосылок для

накопления и использования материальных и нематериальных активов в долгосрочной перспективе. В свою очередь, в зависимости от результатов развития экономики в краткосрочном периоде, в долгосрочном периоде складывается траектория роста ее производительности на основе изменения институциональных рамок формирования бюджетно-налоговых и денежно-кредитных регуляторов, определяющих направление структурных перемен в экономике под влиянием распределения ресурсов на цели потребления и инвестирования. При этом в условиях институциональных дисфункций доминирующие группы создают монетарный порядок, позволяющий с помощью побудительных и принудительных мотиваций контролировать финансовые потоки и перераспределять доходы; но механизмы власти при монетарном порядке во многом скрываются. Вместе с тем важно учитывать, что чем выше складывается уровень дисбаланса экономических интересов в результате выбора методов проведения промышленной политики, тем больше проблем и негативных процессов возникает в экономике [10].

Поиск более реалистичных подходов к проведению промышленной политики, обеспечивающей устойчивое развитие экономики, способствует сегодня возрастанию негативного отношения к ортодоксальным концепциям мейнстрима, использующим в своих моделях *DSGE* предположение о нейтральности денег в долгосрочной перспективе. При этом не только с помощью эконометрики, но и на основе имитационной модели переключающегося режима воспроизводства (далее – ПРВ) было доказано, что в долгосрочном периоде одинаковый темп эмиссии способен к разным сочетаниям темпов роста ВВП и инфляции под влиянием различий в институционально-экономических условиях развития экономики. В модели ПРВ феномен ненейтральности денег в долгосрочном периоде существенно зависит от распределения денежной выручки реального сектора на цели потребления и на цели накопления, определяющих размер будущих инвестиций в основной капитал [14].

В последние годы формируется новая волна исследований во многом под влиянием борьбы мнений противников и сторонников *ММТ*, возникшей в конце XX в. В рамках данной неортодоксальной теории суверенное правительство рассматривается как особый субъект эко-

номики; центральный банк выступает агентом правительства, финансирующим его расходы. Государство обеспечивает полную занятость и экономический рост на основе бюджетных расходов с учетом того, что инфляция возникает при их избыточности в условиях полной занятости; контроль над инфляцией осуществляется с помощью не денежно-кредитной, а налогово-бюджетной политики, изменения налогов и выпуска государственных облигаций. В настоящее время сложилось неоднозначное отношение к новой монетарной теории; целый ряд ученых ее поддерживают, но многие выступают с резкой критикой. В ответ на критику представители *ММТ* утверждают, что сегодня общество оказалось жертвой устаревшей экономической доктрины; ортодоксальная риторика спекулирует на неполном понимании реалий современной экономики и использует различные яркие метафоры, чтобы их скрыть [15, p. 259]. Вместе с тем в условиях пандемии *COVID-19* и угроз развития кризисных процессов наблюдается рост числа ведущих стран мира, в которых используются отдельные рекомендации новой макротехории. Это связано с признанием ограниченности позитивного потенциала денежно-кредитной политики и важности налогово-бюджетных мер, реализуемых в рамках антикризисных программ количественного и кредитного смягчения. Важно отметить, что в условиях пандемии происходят отклонения от традиционных ориентиров при проведении монетарной политики и в развивающихся открытых национальных экономиках (ЮАР, Индонезия, Турция, Малайзия, Польша). При этом центральные банки данных стран стали активно скупать облигации своих правительств.

Промышленная политика в каждый период выступает как процесс формирования компромиссных решений, которые предусматривают согласование конфликтующих и связанных интересов, обеспечивающих решение проблем экономического роста в кратко- и долгосрочном периодах. Реализуемый в нашей стране жесткий бюджетный и денежный курс опирается на ошибочные концепции мейнстрима, что порождает абсолютизацию значимости борьбы с инфляцией в ущерб важности поддержания необходимого уровня инвестиционной активности. В связи с этим возникают несоответствующие реалиям приоритеты развития российской экономики, монетарные ори-

ентиры и методы их достижения. Сегодня целый ряд важных макропоказателей имеет весьма низкие или весьма высокие значения. Например, среди стран G20 по показателю отношения государственного долга к ВВП Россия в 2020 г. занимала последнее, 20-е место, однако по величине международных резервов находилась на 3-м месте – после Швейцарии и Саудовской Аравии. Это приводит к замораживанию огромных валютных ресурсов ради достижения финансовой стабильности, недооцененности российского рубля, низкой инвестиционной активности и торможению экономического роста. Так, в среднем за 2011–2020 гг. темпы прироста ВВП в нашей стране составляли лишь 1,1 % и были в 2 раза ниже среднемирового показателя. В связи с этим В.И. Маевский и А.А. Рубинштейн указывают на то, что достижение компромисса между экономическим ростом и инфляцией имеет ключевое значение для обеспечения экономического роста; оно затрагивает многие важные аспекты макроэкономической политики и требует реализации системного подхода. Это трудный путь, но именно он позволяет повысить рост темпов ВВП и снизить инфляцию [14].

Сложившиеся в российской экономике стагнационные процессы и необходимость разработки адекватного ответа на новые стратегические вызовы порождают настоятельную потребность смены эксклюзивной модели промышленной политики, которая основана на абсолютизации значимости денежно-кредитных инструментов и обуславливает в результате дисфункций в механизмах регулирования денежно-финансовых потоков формирование неблагоприятной деловой среды, ограниченный доступ предпринимательских организаций к кредитным ресурсам, низкую инвестиционную и инновационную активность, псевдопредпринимательство, распространение финансово-валютных спекуляций, снижение реальных доходов населения, гиперконцентрацию капитала у узкой группы лиц и др. При этом в результате диспропорций в развитии финансового и реального секторов в российской экономике сформировалась дуальная модель ее структуры. В финансовом и сырьевом секторах бизнес-деятельность осуществляется в условиях высокой рентабельности и относительно низкого уровня рисков, а большая часть предприятий реального сектора функционирует в условиях низкой рентабельности и высо-

кого уровня риска. Такая структурная несбалансированность приводит к перемещению ресурсов в наиболее прибыльные сектора, ограничивает развитие высокотехнологичных видов производств в промышленности и порождает формирование стагнационной ловушки в российской экономике.

В контексте происходящего концептуального пересмотра монетарной политики сегодня и в нашей стране начинаются обсуждения рекомендаций ММТ; рассматриваются нетрадиционные инструменты монетарной политики, включая так называемые «вертолетные деньги», целевое рефинансирование и другие перспективные инструменты, а также указывается на целесообразность использования гибридных фискально-монетарных инструментов [16]. Неудовлетворительные результаты политики инфляционного таргетирования в стране неизбежно порождают предложения возложить на Банк России задачи по стимулированию экономического роста. Эти предложения обосновываются с точки зрения особенностей таргетирования, аргументов в пользу использования показателей роста и важности формирования компромиссных решений при множественности целевых ориентиров. Сторонники сохранения сложившейся монетарной модели выступают против данных предложений, поскольку они рассматриваются как покушение на независимость Центрального банка, что может привести к снижению эффективности государственной политики. Однако односторонний подход при проведении Банком России независимой денежно-кредитной политики, как свидетельствует российская практика прошедшего десятилетия, не только не способствовал решению проблем экономического роста, но и проблем поддержания устойчивости денежной системы; многочисленная критика его политики скорее указывает на обратное. Сегодня весьма важным становится пересмотреть роль Центрального банка исходя из необходимости превращения его из института, способствующего консервации устаревшей структуры национальной экономики, в важнейший институт формирования устойчивого экономического роста.

5. Заключение. Разработка доминирующих подходов к анализу механизмов реализации промышленной политики сегодня определяется парадигмальной ограниченностью сложившихся ортодоксальных теорий мейнстрима, опирающихся на постулаты нового кейнсиан-

ско-неоклассического синтеза. В связи с этим денежно-кредитная политика является основным методом регулирования экономики в краткосрочном периоде. При этом применяемые на практике *DSGE*-модели рассматриваются как непревзойденное научное достижение, хотя эти модели имеют целый ряд фундаментальных изъянов. Современные вызовы, порожденные пандемией коронавируса и системными проблемами, требуют перехода к инклюзивной модели промышленной политики, связанной с радикальным разрывом с неоклассическим мышлением и использованием идей классической парадигмы. Следует признать, что краткосрочные меры не должны препятствовать решению стратегических проблем; для формирования необходимого уровня инвестиций, совокупного спроса и предложения особую значимость в современных условиях приобретают бюджетно-налоговая и институциональная политика.

Сегодня российская экономика столкнулась с долгосрочными угрозами и вызовами, которые настоятельно требуют смены эксклюзивной модели проведения промышленной политики. Для выхода из сложившейся стагнационной ловушки, порождающей развитие деструктивных процессов, необходимо отказаться от господствующей в рамках экономического мейнстрима веры в форму нового монетаризма, предполагающего, что денежно-кредитная политика является главным средством краткосрочной макроэкономической стабилизации. Важно кардинально изменить ситуацию к лучшему за счет реализации мер, направленных на конструирование с учетом парадигмальных перемен адекватной российским реалиям модели промышленной политики, обеспечивающей справедливый доступ к ресурсам и реализации стратегических преимуществ страны на основе сбалансированности интересов.

Литература

1. Симачев Ю. В., Акиндинова Н. В., Яковлев А. А., Данильцев А. В., Кузык М. Г., Куценко Е. С., Медовников Д. С., Вишневецкий К. О., Миронов В. В., Бессонов В. А., Глазатова М. К., Розмирович С. Д. Структурная политики в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 5–28. – DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-5-28.
2. Гринберг Р. Какой будет новая модель экономического развития? // Мир перемен. – 2020. – № 2. – С. 5–8.
3. Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. – 2009. – № 5. – С. 86–103. – DOI: 10.32609/0042-8736-2009-5-86-103.
4. Муссеев С. Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 26–44. – DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-26-44.
5. Davis A. E. Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. – London : Routledge, 2017. – 208 p. – DOI: 10.4324/9781315671154.
6. Huber J. Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 206 p.
7. Mitchell W., Wray L. R., Watts W. Macroeconomics. – London : Macmillan : Red Globe Press, 2019. – 604 p.
8. Фаджиоло Д., Ровентини А. О научном статусе экономической политике: повесть об альтернативных парадигмах // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 24–47. – DOI: 10.32609/0042-8736-2009-6-24-47.
9. Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. – 2006. – № 8. – С. 82–101. – DOI: 10.32609/0042-8736-2006-8-82-101.
10. Бирюков В. Ценности, институты и экономическое развитие // Общество и экономика. – 2020. – № 4. – С. 5–24. – DOI: 10.31857/S020736760009149-2.
11. Woodford M. Interest and Prices. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2003. – 808 p.
12. Stiglitz J. E. People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent. – New York ; London : W.W. Norton, 2019. – 366 p.
13. Global Economic Prospects, January 2021 / World Bank. – Washington, DC : World Bank, 2021. – 210 p. – DOI: 10.1596/978-1-4648-1612-3.
14. Маевский В. И., Рубинштейн А. А. Концепция макроэкономической политики компромисса между инфляцией и ростом // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 485–496. – DOI: 10.31063/20736517/2021.18-4.1.

15. Connors L., Mitchell W. Framing Modern Monetary Theory // *Journal of Post Keynesian Economics*. – 2017. – Vol. 40, no. 2. – P. 239–259. – DOI: 10.1080/01603477.2016.1262746.
16. Горюнов Е. Л., Дробушевский С. М., Мау В. А., Трунин П. В. Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире // *Вопросы экономики*. – 2021. – № 2. – С. 5–34. – DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-5-34.

References

1. Simachev Yu.V., Akindinova N.V., Yakovlev A.A., Daniltsev A.V., Kuzyk M.G., Kutsenko E.S., Medovnikov D.S., Vishnevsky K.O., Mironov V.V., Bessonov V.A., Glazatova M.K., Rozmirovich S.D. Industrial policy in Russia: New conditions and possible agenda (The report of NRU HSE). *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 6, pp. 5-28. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-5-28. (in Russian).
2. Grinberg R. What Will Be the New Model of Economic Development? *The World of Transformations*, 2020, no. 2, pp. 5-8. (in Russian).
3. Mankiw N.G. The Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 5, pp. 86-103. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-5-86-103. (in Russian).
4. Moiseev S.R. Monetarism's "renaissance": How the well-known theory lived in 2000-2018. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 26-44. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-26-44. (in Russian).
5. Davis A.E. *Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism*. London, Routledge publ., 2017. 208 p. DOI: 10.4324/9781315671154.
6. Huber J. *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking*. London, Palgrave Macmillan publ., 2017. 206 p.
7. Mitchell W., Wray L.R., Watts W. *Macroeconomics*. London, Macmillan publ., Red Globe Press, 2019. 604 p.
8. Fagiolo G., Roventini A. On the Scientific Status of Economic Policy: A Tale of Alternative Paradigms. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 6, pp. 24-47. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-6-24-47. (in Russian).
9. Davidson P. The Post Keynesian School. *Voprosy Ekonomiki*, 2006, no. 8, pp. 82-101. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-8-82-101. (in Russian).
10. Biryukov V. Values, institutions, and economic development. *Society and Economics*, 2020, no. 4, pp. 5-24. DOI: 10.31857/S020736760009149-2. (in Russian).
11. Woodford M. *Interest and Prices*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2003. 808 p.
12. Stiglitz J.E. *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York, London, W.W. Norton publ., 2019. 366 p.
13. World Bank. *Global Economic Prospects, January 2021*. Washington, DC, World Bank publ., 2021. 210 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1612-3.
14. Maevsky V.I., Rubinstein A.A. The Concept of Macro-Economic Policy Based on the Compromise between Inflation and Growth. *Russian Journal of Economic Theory*, 2021, Vol. 18, no. 4, pp. 485-496. DOI: 10.31063/20736517/2021.18-4.1. (in Russian).
15. Connors L., Mitchell W. Framing Modern Monetary Theory. *Journal of Post Keynesian Economics*, 2017, Vol. 40, no. 2, pp. 239-259. DOI: 10.1080/01603477.2016.1262746.
16. Goryunov E.L., Drobyshevsky S.M., Mau V.A., Trunin P.V. What do we (not) know about the effectiveness of the monetary policy tools in the modern world? *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 2, pp. 5-34. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-5-34. (in Russian).

Сведения об авторе

Бирюков Виталий Васильевич – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления персоналом
 Адрес для корреспонденций: 644105, Россия, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2А
 E-mail: sciencebv@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3385-3603
 Scopus AuthorID: 56808949700
 PИИЦ AuthorID: 646839; SPIN-код: 7962-4150

About the author

Vitaly V. Biryukov – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economy and Personnel Management
 Postal address: 2A, 4-ya Chelyuskintsev ul., Omsk, 644105, Russia
 E-mail: sciencebv@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3385-3603
 Scopus AuthorID: 56808949700
 RSCI AuthorID: 646839; SPIN-code: 7962-4150

Для цитирования

Бирюков В. В. Промышленная политика: особенности парадигмального переосмысления значимости фискальных и монетарных механизмов реализации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 5–14. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(1).5-14.

For citations

Biryukov V.V. Industrial policy: features of paradigmatic rethinking of the importance of fiscal and monetary implementation mechanisms. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2022, Vol. 20, no. 1, pp. 5-14. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(1).5-14. (in Russian).